

Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 1. С. 62—66.
Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2026. Iss. 1. P. 62—66.

Научная статья
УДК 811.111'373.46:34:004
EDN <https://elibrary.ru/hfvcsb>
DOI: 10.46726/И.2026.1.8

СТРУКТУРНЫЕ МОДЕЛИ ТЕРМИНОВ ЦИФРОВОГО ПРАВА В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Мария Владимировна Лутцева

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, mary-3@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению особенностей появления новых терминологических единиц в рамках новой подотрасли права — цифрового права. На основе терминологической выборки автор проводит компонентный анализ единиц, характерных для цифрового права в английском языке. Особое внимание уделяется структурным моделям образования двух- и многокомпонентных терминоточетаний, терминам-аббревиатурам, а также гибридным терминологическим единицам. В результате анализа делается вывод, что наибольшей продуктивностью обладают терминологические единицы на основе существительных, а четырех- и пятикомпонентные термины стремятся к аббревиированию.

Ключевые слова: цифровое право, цифровые технологии, юридический термин, структурная модель, терминологическая единица

Для цитирования: Лутцева М.В. Структурные модели терминов цифрового права в английском языке // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 1. С. 62—66.

Быстрое развитие компьютерной техники, непрерывное увеличение объемов данных и повсеместное применение цифровых ресурсов оказывают значительное влияние не только на общественное развитие в целом, но и на эволюцию правовой системы. Сегодня цифровое пространство и право тесно взаимосвязаны и взаимообусловлены. Существует целый ряд нормативно-правовых актов, регулирующих данную область специальных знаний. Цифровые технологии регулируют само право, меняя его характеристики, формы и структуру, тем самым превращая его одновременно в инструмент и объект цифровизации.

Трансформация правовой действительности вызвана рядом причин:

- 1) изменение форм существования и передачи информации. Цифровые технологии позволяют создавать, хранить и передавать информацию в новых формах (электронные документы, базы данных). Это влияет на традиционные юридические процедуры и институты, заставляя законодательство адаптироваться к новым реалиям;
- 2) возникновение новых видов правоотношений. Появление электронных услуг, дистанционных сделок, виртуальных активов требует разработки специальных норм права. Например, регулирование электронной коммерции, криптовалюты, защиты персональных данных [Калмазова];
- 3) развитие киберпространства и киберпреступности. Рост числа преступлений в сети (хакерские атаки и мошенничество) вынуждает правовую систему реагировать введением новых норм и институтов для борьбы с такими угрозами;
- 4) трансформация правового сознания и поведения участников общественных отношений. Широкая доступность информации, возможности быстрого взаимодействия меняют поведение людей и организаций, требуют нового подхода к регулированию ответственности и обязанностей [Хабриева].

Таким образом, цифровая реальность оказывает мощное воздействие на саму сущность права, способствуя изменению его структуры, содержания и методов реализации. В связи с этим меняется и понятийный аппарат юриспруденции, что, без сомнения, находит отражение в языке.

Под цифровым правом в широком смысле понимают новый нормативно-правовой механизм, затрагивающий любой элемент правовой системы. Данный подход основан на том, что правовые нормы — это тоже информация. «Информация о правах, обязанностях, об их реализации. Регулируя общественные отношения, право регулирует и само себя, приобретая новый смысл и новое значение, когда общение между людьми приобретает цифровую форму. Уникальные особенности цифровой информации — нематериальность, техническая обусловленность, медиатизация в сочетании с высоким спросом на нее, требуют уникальных правовых решений» [Волков: 7].

В настоящее время можно выделить несколько основных категорий цифровых юридических терминов в зависимости от сферы их употребления: правовая защита персональных данных (*privacy policy, personal data, consent management*), электронная коммерция и контракты (*electronic commerce, clickwrap agreement, browsewrap agreement, online dispute resolution*), блокчейн и смарт-контракты (*blockchain governance, initial coin offering, tokenization of assets, smart contract validation*), интеллектуальная собственность и цифровое творчество (*copyright infringement, fair use, creative commons licenses, patent exhaustion doctrine*), киберпреступность и безопасность (*botnet, hacking, identity theft, spam filtering*), глобальные инициативы и стандарты (*International Organization for Standardization, General Data Protection Regulation, California Consumer Privacy Act*).

Из примеров видно, что в языке права происходит активное заимствование лексики из сферы IT-технологий. Это свидетельствует о том, что право, принимая подобные лексемы и активно используя их, развивается и совершенствуется в информационном ключе, отвечает на современные вызовы и идет в ногу с технологическим прогрессом.

В результате глубокой интеграции традиционных отраслей права с современными цифровыми технологиями появляется большое число гибридных терминологических единиц, поскольку традиционные юридические термины, созданные для физической реальности, оказываются недостаточными для адекватного описания и регулирования новых феноменов, появившихся благодаря цифровым инструментам и инновационным технологиям. Возникновение данных терминологических единиц обусловлено:

- 1) новыми объектами регулирования. Рост цифровых сервисов, технологий и продуктов потребовал появления новых терминов, которые могли бы охватывать одновременно традиционные юридические концепции и характеристики цифровых объектов [Чеметева]. Например, концепция “*smart contracts*”, совмещающая элементы традиционного контрактного права и новейшие цифровые технологии (*blockchain, cryptocurrency*).
- 2) воздействием цифровых технологий на классические институты права. Технологии привели к возникновению новых ситуаций, ранее неизвестных традиционным институтам права. Например, явление “*deepfake frauds*” потребовало введения специального терминологического аппарата для квалификации преступления и установления мер наказания (*online identity theft, account takeover, password cracking, dark web monitoring, cyber thief*).
- 3) повышением гибкости регулирования. Гибридные термины обеспечивают больше свободы и универсальности в описании правовых ситуаций, позволяя адаптироваться к постоянно меняющимся условиям цифровой среды. Например, термин “*algorithmic liability framework*” («рамочные правила ответственности алгоритмов») объединяет подходы к ответственности за действия, совершаемые алгоритмами, что невозможно описать в традиционной юридической терминологии.

- 4) появлением инновационных практик и моделей бизнеса. Развитие технологий породило принципиально новые модели взаимоотношений, которые требуют своего собственного терминологического выражения. Например, “*cloud-based litigation services*” («облачные сервисы для ведения судебных разбирательств») описывает совершенно новое направление юридической помощи, невозможное в офлайн-среде.
- 5) необходимостью интернационализации терминологии. Поскольку цифровые технологии легко пересекают границы государств, появилась потребность в единообразных терминах, применимых в международном масштабе. Создание гибридных терминов способствует стандартизации и взаимопониманию в международной правовой практике.

Наиболее распространенными примерами единиц этого пласта специальной лексики выступают терминологические единицы, где одним из ключевых элементов выступает термин “*cyber*” (*cybercrime* (*cyber* + *crime*), *cyberterrorism* (*cyber* + *terrorism*), *cyberbullying* (*cyber* + *bullying*), *cyberstalking* (*cyber* + *stalking*), *cyberlaw* (*cyber* + *law*), *cybersecurity* (*cyber* + *security*) *measures*). Наряду с данной терминологической единицей широко распространены термины с ключевым компонентом *e-* или *electronic*. Примерами являются *e-government* (*electronic* + *government*), *e-commerce* (*electronic* + *commerce*), *e-signature* (*electronic* + *signature*), *e-krona* (*electronic* + *krona*).

Таким образом, создание гибридных терминологических единиц отражает фундаментальные изменения в обществе, вызванные цифровой революцией. Оно служит инструментом для модернизации права, обеспечивая точность и ясность при регулировании новых правовых явлений.

Вместе с тем цифровые юридические термины представляют особый пласт лексики, обладающий специфическими особенностями грамматического состава. Это выражается в первую очередь в том, что термины и словосочетания на их основе демонстрируют определенную избирательность в отношении целого ряда грамматических категорий и прежде всего в отношении частей речи, которыми представлены стержневые слова терминологических словосочетаний.

В результате анализа 216 терминов цифрового права нами было выявлено, что однословные термины (*phishing*, *hacking*, *blockchain*, *cryptocurrency*, *cybercrime*, *cybersecurity*, *crowdfunding*) составляют 11 % от всего числа проанализированных терминологических единиц. Термины-словосочетания (*ransomware attack*, *botnet activity*, *phishing attack*, *data loss prevention*, *electronic signature validation*) представлены 175 терминами (81 %), аббревиатуры (*DLP*, *MLAW*, *GDPR*, *FISA*, *DPIA*, *SSL*) составляют 8 %.

В ходе исследования было установлено, что двухкомпонентные термины преобладают среди других единиц цифрового права и составляют 48 % (103) от общего числа проанализированных терминологических единиц. Вместе с тем наивысшей способностью участвовать в терминологической номинации обладают имена существительные, так как номинативным группам свойственны определенные качества, способствующие эффективному сообщению информации в рамках языка для специальных целей. Наиболее распространенная модель представляет собой отношение **N(adj) ← N** (*identity theft*, *data breach*, *online contract*, *bitcoin mining*, *deepfake fraud*, *ransomware attack*, *botnet activity*, *blockchain technology*, *blockchain governance*, *consent management*, *clickwrap agreement*, *browsewrap agreement*, *spam filtering cybersecurity measures*). Среди номинативных словосочетаний частотной является и модель **Adj ← N** (*virtual property*, *virtual assets*, *computational law*, *regulatory sandboxes*, *electronic evidence*, *digital signature*, *digital property*, *personal data*). Многочисленной группой терминов данной грамматической модели, подвергшихся фразеологическому заимствованию в юридической терминологии, являются словосочетания с терминологическим элементом *electronic*. С его помощью на основе родового компонента, представленного базовым юри-

дическим термином, образуются видовые термины английского языка: *electronic government, electronic commerce, electronic payment, electronic submission, electronic record, electronic document, electronic service, electronic data, electronic signature*.

Цифровые юридические термины представлены и конструкциями, сочетающимися причастие I в атрибутивном отношении к существительному (**PI ← N**). Например, *hacking attempt, cyberbullying laws, phishing attack, phishing scams*. Следует отметить, что подобные терминологические словосочетания немногочисленны и составляют 4 % от общего числа двусоставных терминов.

Большое количество двухкомпонентных терминов в предметной области юриспруденции объясняется стремлением специального языка к конкретизации определенных явлений и понятий. Они являются неотъемлемой характеристикой английского юридического языка и показателем поступательного развития языковой системы в рамках современных реалий. Терминосочетания возникают под влиянием другой терминосистемы (цифровые технологии), обозначая при этом специфические правовые понятия.

Цифровое право характеризуется наличием значительного числа трехсловных единиц специальной номинации. Следует отметить, что тенденции терминообразования, характерные для двусложных терминов, прослеживаются и в трехкомпонентных терминологических единицах цифрового права. Наиболее распространенными являются модели, представленные структурой **Adj + N + N** (*algorithmic liability framework, regulatory sandbox methodology, algorithmic liability framework, electronic signature validation, creative commons licenses, smart contract validation, digital identity verification, digital signature act initial coin offering*), а также **N + N + N** (*cloud computing legislation, blockchain notary services, machine learning law, data loss prevention, data protection law, data stewardship obligation, net neutrality regulations, online dispute resolution, patent exhaustion doctrine*). Они составляют 61 % от общего числа трехкомпонентных терминов цифрового права, рассмотренных в работе. Наименее распространенными являются словообразовательные модели типа: **PI + Adj + N** (*cloud-based litigation services, qualified electronic signature*), **PI + N + N** (*automated compliance responsibility*), **Num + N + N** (*two factor authentication*), **N + Prep + N** (*tokenization of assets*).

Четырех- и пятикомпонентные термины (*Smart Contract Validation Procedures, General Data Protection Regulation, California Consumer Privacy Act, Data Protection Impact Assessment, qualified advanced electronic signature, Right to be Forgotten, privacy by design approach, Neural Network Evidence Verification Framework*) составляют 19 % от проанализированных в ходе исследования многокомпонентных единиц специальной номинации. Следует отметить, что прослеживается тенденция к образованию сокращений и аббревиатур от данных терминологических единиц. Например, *General Data Protection Regulation — GDPR; California Consumer Privacy Act — CCPA; DPIA — Data Protection Impact Assessment; FAQ — Frequently Asked Questions; International Organization for Standardization — ISO; Initial Coin Offering — ICO; Online Dispute Resolution — ODR; Two-Factor Authentication — 2FA; SSL — Secure Sockets Layer; TLS — Transport Layer Security; IoT — Internet of Things; AI — Artificial Intelligence; AES — advanced electronic signature; SES — simple electronic signature; QES — qualified advanced electronic signature*. Это общая черта, характерная для всех отраслей права, поскольку использование сокращений и аббревиатур помогает упростить восприятие сложной юридической документации и сделать её более доступной для широкого круга лиц.

Таким образом, грамматический состав цифровых юридических терминов отражает особенности современного англоязычного правового дискурса, связанного с цифровыми технологиями. Сложносоставные слова (гибридные термины), многокомпонентные терминологические словосочетания и аббревиатуры формируют уникальный лексический слой, позволяющий точно и ясно передавать правовые понятия и процессы в цифровой сфере.

Список литературы / References

- Волков В.Э. Цифровое право. Общая часть: учебное пособие. Самара: Издательство Самарского университета, 2022. 111 с.
(Volkov V.E. Digital law. General part: textbook, Samara, 2022, 111 p. — In Russ.)
- Калмазова Н.А. Цифровизация и юридическая терминология: трудности перевода термина «электронная подпись» // Трансформация и цифровизация правового регулирования общественных отношений в современных реалиях и условиях пандемии: коллективная монография. Казань: Отечество, 2020. С. 69—73.
(Kalmazova N.A. Digitalization and legal terminology: difficulties in translating the term “electronic signature”, *Transformation and digitalization of legal regulation of public relations in modern realities and pandemic conditions*, Kazan, 2020, pp. 69—73. — In Russ.)
- Чеметева Ю.В. Неологизация в юридическом дискурсе // Государственно-правовые исследования. 2021. Вып. 4. С. 395—399.
(Chemeteva Yu.V. Neologization in legal discourse, *State Legal Research*, 2021, iss. 4, pp. 395—399. — In Russ.)
- Хабриева Т.Я. Право в условиях цифровой реальности // Журнал Российского права. 2018. № 1. С. 85—102.
(Habrieva T. Ya. Law in the context of digital reality, *Journal of Russian Law*, 2018, no. 1, pp. 85—102. — In Russ.)

STRUCTURAL MODELS OF DIGITAL LAW TERMS IN ENGLISH*Maria V. Luttseva*

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, mary-3@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the consideration of the reasons for the emergence of new terminological units within a new subbranch of law (that is digital law). Using a terminological sample, the author conducts a component analysis of the units that are typical for English language digital law. Particular attention is paid to the structural models of the formation of two- and multi-component terminological combinations, abbreviated terms, as well as hybrid terminological units. The analysis concludes that noun-based terminological units are the most productive, while four- and five-component terms tend to be abbreviated.

Keywords: digital law, digital technologies, legal term, structural model, terminological unit

For citation: Luttseva M.V. Structural models of digital law terms in English, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2026, iss. 1, pp. 62—66.

Статья поступила в редакцию 26.06.2025; одобрена после рецензирования 31.07.2025; принята к публикации 23.12.2025.

The article was submitted 26.06.2025; approved after reviewing 31.07.2025; accepted for publication 23.12.2025.

Информация об авторе / Information about the author

Лутцева Мария Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной филологии, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, mary-3@mail.ru, SPIN: 3265-5841

Luttseva Maria Vladimirovna — Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor of the Foreign Philology Department, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, mary-3@mail.ru